

Поставивъ себѣ задачей все понять, все объять, онъ отрѣшается отъ положительныхъ доктринъ, осторожно даетъ общія положенія, не исчерпываетъ предмета въ краткихъ опредѣленіяхъ. Современная мысль признаетъ поэтическую красоту независимо отъ теорій, какъ и независимость религіознаго чувства отъ неприкосновенности догмата. Подобно широкому потоку, современная жизнь выступила изъ вѣкового русла, разрушая, что обветшало, захватывая и сливаясь, оплодотворяя и пролагая новые пути.

Потому сложность содержанія и многосторонность цѣлей составляютъ преобладающую черту литературныхъ и художественныхъ произведеній. „Фаустъ“ служитъ прототипомъ этого направленія и представляетъ то сліяніе между наукой и творчествомъ, котораго искалъ Гёте. Но анализъ—врагъ творчества, а знаніе является противникомъ той доли непосредственности, которая должна участвовать въ искусствѣ. Вторая часть драмы носить слѣды этой вражды: будучи скорѣе продуктомъ мысли, чѣмъ свободнаго творчества, она есть больше сводъ извѣстныхъ задачъ автора и его вѣка, чѣмъ поэтическое произведеніе въ строгомъ смыслѣ слова. XIX-й вѣкъ ищетъ этого сліянія и возводитъ его въ теорію. Бальзакъ, глава цѣлой школы романистовъ, руководится принципомъ, заимствованнымъ у естественныхъ наукъ: „человѣкъ, подобно животному, всегда находится подъ вліяніемъ среды и приспосабливается къ ней“. Извѣстно, что Зола основываетъ свои литературные взгляды на методъ изслѣдованія фізіолога Клода Бернара: по его мнѣнію, поэтъ долженъ быть наблюдателемъ и экспериментаторомъ. Такимъ образомъ, поэзія задается различными проблемами, между которыми упомяну только тенденціозныя произведенія современной литературы, давшія такъ много замѣчательнаго, хоть иногда и въ ущербъ поэтическимъ цѣлямъ.

Какъ трудно совершается сліяніе между наукой и поэзіей, выражено въ прекрасномъ символѣ однимъ изъ главныхъ представителей направленія: я разумѣю Флобера и одну изъ послѣднихъ картинъ его романа: „Искушеніе св. Антонія“, романа, носящаго слѣды усилій самого автора слить поэтическія цѣли съ научными, и потому не нашего той оцѣнки, которой въ правѣ былъ ожидать авторъ.

„На жгучемъ пескѣ пустыни лежитъ сфинксъ; онъ думаетъ и вычисляетъ, устремивъ глаза на горизонтъ. Вокругъ него порхаетъ и вьется ширококрылая химера, то приближаясь и задѣвая крыломъ его чело, то высоко взвиваясь надъ нимъ.

Сфинксъ. — Остановись, химера, куда несешься ты такъ быстро?